
Карпенко В.И.

ПРЕДДИПЛОМНАЯ ПРАКТИКА ОДНОГО СТУДЕНТА (полвека назад)

«Познать неизведанное –
Цель студента...»

Введение

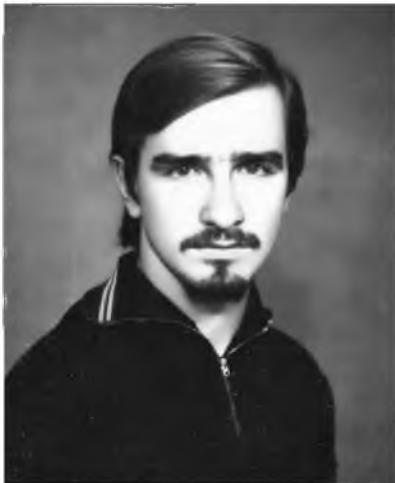
Традиционно студенты Дальрыбвтуза различные практики проходили в разных местах Дальнего Востока и огромной страны – Советского Союза. Обычно на практику институт направлял их организованно; реже студент искал место практики самостоятельно, либо «контрактники» имели такое место еще при поступлении в ВУЗ. Чаще всего для каждой следующей практики – учебной, производственной и преддипломной студент выбирал новое место. Так поступил и я: учебную – прошел в Приморье (Сучанский район), производственную – в Амуррыбводе, на знаменитых реках Мы и Иски, а также в Сахалинском заливе, в том числе и на катере рыбоохраны «Сарган». И, конечно, для прохождения преддипломной выбрал новое место – Сахалин, Сахалинский филиал ТИНРО.

Здание СахТИНРО в п. Антоново

Туда и вел наш путь – трех студентов группы ИР-41: Наташи, Оли и мой, будущих выпускников специальности «Ихтиология и рыбоводство». Мест для прохождения такой практики было около 100 на менее 20-ти студентов. Попастъ на остров Сахалин можно было двумя путями – воздушным и водным, но оплачивался только последний. Поэтому в середине мая 1972 г. эта наша небольшая группа отправилась туда на т/х «Белоостров», рассчитывая через 2,5 суток добраться в г. Холмск. Погода изменила наши планы – жесточайший шторм заставил судно зайти на отстой в бухту Рында почти на полтора суток. Это был мой первый настоящий шторм в жизни, который я перенес хорошо, что привело в дальнейшем почти к 30-летней практике морских исследований.

Но все-таки мы прибыли в порт Холмск, добрались в пос. Антоново, где располагался Сахалинский филиал ТИНРО. Хотя и видели мы его на фото (место нашей будущей практики) – оригинальное здание и поселок, но наяву все превзошло наши ожидания. Это выглядело значительно лучше и даже загадочно. Перед нами был такой уютный небольшой научный городок, которые позднее я встречал в некоторых местах нашего большого государства, в других странах – Японии, США, Канаде, Англии...

Владимир Илларионович
Карпенко в молодые годы

Разумеется, первой встречей была с директором филиала – Владимира Николаевича Гиренко, который предложил нам места практики, подразделения, назвал будущих руководителей, должностные обязанности (и даже должности), а также места нашего размещения и пр... Так, первоначально, всем нам были предложены должности МНС-ов, что было крайне неожиданным. Правда были поставлены два очень важных условия: 1 – активное участие в полевых (морских) работах и 2 – обязательная подготовка всех собранных материалов по окончании практики и сдача Научного отчета к концу 1972 г. Последнее было очень важно для нас – неоперившихся птенцов!

Мне была предложена работа в лаборатории морских рыб Фауста Георгиевича Швецова и новый объект – японская скумбрия, которая была под присмотром их нового сотрудника Игоря Валентиновича Калюжного, прибывшего из ИНБЮМа. Руководителем практики был назначен всемирно известный сельдевик – Александр Иванович Фролов. Конечно, я обрадовался морскому объекту (после лососей 1971 г.) и с удовольствием начал знакомиться с литературой, которой было много в библиотеке филиала, включая как оригинальную, так и переведенную с японского. После обсуждения возможной темы диплома и научного отчета с немногочисленными сотрудниками филиала и, исходя из собственного

теоретического опыта, была выбрана методическая работа по способам определения возраста скумбрии. Это оказалось удачным вариантом, т.к. для ее выполнения, с одной стороны нет необходимости собирать и обрабатывать большой и массовый материал, а с другой – она позволяет иметь большую «степень свободы» в его обработке. Основа такой работы – тщательность и аккуратность.

Такой подход позволил, несмотря на студенческий страх, принять предложение В.Н. Гиренко о должности мнс-а, с большой гарантией на подготовку достойного Научного отчета. Мне был назначен оклад – 115 р. (на 2,5 рубля больше, чем по приезду на Камчатку). Мои соратницы-сокурсницы, вероятно, не надеясь на выполнение такого отчета, отказались от предложения директора и работали в «СахНИРО» в должностях лаборантов на других видах работ: Наташа под руководством Э.Х. Сабитова, а Оля – Г.М. Пушниковой.

К сожалению, в этот период в нашей лаборатории практически не было сотрудников – они были либо на полевых, либо в море. Поэтому получить какие-либо консультации по выполнению моей дипломной работы было невозможно. Руководитель – А.И. Фролов, находился в санатории на лечении, недалеко от г. Чехов. Кстати, я ездил к нему знакомиться и получить «наставления» – первый раз в мае до начала рейса. Второй раз общался с Александром Ивановичем практически перед отъездом с Сахалина после второго рейса – в сентябре, когда были собраны материалы по скумбрии и значительная часть их обработана. Главное же для меня было – УЧАСТИЕ в морских экспедициях!!! О чем я мечтал всегда.

С жильем у нас также было все нормально – это была квартира из двух комнат: в проходной располагались мы – студенты-мальчики, а в отдельной – были два аспиранта из Ленинграда, Владимир Дмитриевич Табунков с коллегой. С ним мне до первого рейса удалось поговорить о многом – научных, бытовых и прочих проблемах в жизни молодых ученых.

Чуть позднее появились еще студенты ДВГУ, которые работали в группе Марии Сергеевны Кун из ТИНРО, включающей Е.П. Каредина, А.Г. Погодина, В.Л. Андреева и всемирно известного гидробиолога из ИНБЮМа – Юрия Ивановича Сорокина. Позднее с ними удалось общаться неоднократно в разных жизненных ситуациях, о некоторых из них ниже. Студенты-мальчики остановились в нашей комнате, а девочки – в другом доме.

В нашей лаборатории, в первые дни практики я помогал Надежде Александровне Федотовой разбирать гидробиологические пробы и выполнять некоторые поручения, одно из которых запомнилось на всю жизнь. Из-за отсутствия сотрудников как-то ко мне пришел директор В.Н. Гиренко с руководителем одного из ближайших рыбокомбинатов и сказал – «Надо помочь». Чем я могу помочь – ведь я только студент! Он сказал, что необходимо съездить на предприятие, посмотреть продукцию рыбокомбината и помочь правильно ее оформить для поставки в Японию. Определить и написать название рыбы!?! А продукцией оказались тушки – только тушки; ни голов, ни плавников, ни внутренностей и пр.

не было. А я – только студент... Но наш зав. кафедрой Лев Николаевич Беседнов был как раз специалистом по акулам и многому нас научил.

Я решился – и по всяким не совсем четким признакам этих тушек указал вид – *Squalis acanthias*! Это заключение (письмо) и направил В.Н. Гиренко директору предприятия. После первого рейса я получил благодарность от Владимира Николаевича за эту работу.

Прошло менее недели, и начались сборы в рейс на СРТМ «Криль» в Тихий океан для изучения японской скумбрии у восточного побережья о. Хоккайдо.

Первый рейс – СРТМ «Криль»

Этот и второй рейсы были относительно непродолжительными: 1 – два и 2 – чуть менее, месяцев. Хотя в те годы обычными были рейсы 4–4,5 месяцев, а в Ванкуверо-Орегонский район и к Антарктиде – до 8–9 месяцев. Рейсы были разные, со своими событиями и коллизиями, поэтому остановлюсь лишь на отдельных моментах – рабочих и житейских.

Рейс «Криля» был одним из первых для сотрудников филиала по этой теме, причем он был специализированным – лов скумбрии должен был производиться дрейфтерными сетями, одним из самых сложных и трудоемких орудий рыболовства, причем не в промысловом, а в поисковом режиме. Оказалось, что ни команда, ни научная группа не имели соответствующего опыта:

Капитан – «выходец» из транспортного флота,

Старпом – бывший военный,

Второй помощник – фактически «турист», а

Третий – «зелень».

Конечно, это заключение я смог сделать только после почти 50 рейсов собственного опыта, во многих из которых приходилось работать с дрейфтерными сетями.

Лишь стармех да «майор» (тралмастер) имели какое-то представление о подобных промысловых операциях. Боцман – «дракон», 43 года, а выглядел на все 70, мог только «квасить и материться». Матросы – с бору по сосенке, больше частью были вообще в первом таком рейсе. О составе научной группы и говорить нечего – 0, такого опыта работы не было.

Да..., помучились мы с промысловыми операциями: ставили сети и с вожаком, и в свободном дрейфе... И это у берегов Японии, когда каждая постанковка порядка грозила попасть в территориальные воды. В первой половине рейса (до бункеровки) практически каждая постанковка и выборка порядка выполнялись с приключениями. И это в хорошую весенне-летнюю погоду, практически при полном штиле.

Пару раз создавались такие ситуации, когда судно наматывало часть сетей на винт. В одной из них старпом, вооружившись КИПом, нырял и резал дель на винте для его освобождения. Либо приходилось лебедкой «рвать полотно» для освобождения «из плена». Количество сетей уменьшалось с каждой постанковкой, уловы были небольшими – не всегда хватало рыб даже на полный биоанализ.

А мне, для моей методической работы, часто оставались крохи или их не было вовсе. После первой и, особенно, второй бункеровок работать стало проще – сетей почти не осталось и...

Бункеровки – это песня СРТМ «Криль»!, я таких не встречал никогда... Заходы в п. Малокурульск на бункеровку – это почти полное отсутствие всего комсостава (и части остальных) на борту. Все мигрировали в пампасы... При допустимых 5 сутках стоянки (по правилам ТУРНИФа) удалось выдержать это срок лишь при первой бункеровке. С судна тащили все – за спирт (это при «сухом законе» в Малокурульске). Первыми шли продукты – картофель, овощи и пр.; первоначально «кондей» воевал с этим, но «снюхавшись» с Третьим помощником – ступил на эту же тропу вместе... Именно такой обмен с местными жителями преобладал в первый заход. На судне пища не готовилась, почти весь народ был пьян, отсюда и соответствующие последствия.

В этот период мне с одним из членов команды удалось пешком сходить в другой поселок – Крабозаводск (Крабовое), где на судах была сходная ситуация; судов было меньше и таких проявлений тоже. В бухте стояло много арестованных японских шхун – в «Мертвом караване».

Общими усилиями – местных властей и руководства ТУРНИФ, удалось «выпихнуть» «Криль» в море к концу 5-х суток. Хотя сайровая путина на Шикотане еще не началась.

Работа с дрейфтерными сетями была продолжена, но изменений было мало. Этот промысел (лов) в хорошую погоду (научный с небольшим количеством дрейфтерных сетей) – настоящее «сачковое» мероприятие: ночью – спи (кроме вахты), а днем – загорай. Вечером поставили сети, а утром – выбрали. Весь день свободен, если есть улов – обработай.

Море потеплело, и иногда проходили «купания» команды..., с нырянием с бортов и даже с верхнего мостика. Одно из таких мероприятий могло закончиться неприятностями. В теплый солнечный день часть команды купалась, прыгая с борта при одном спущенном шторм-трапе. Я и другие члены команды наблюдали за этим процессом. Вдруг к борту судна подошла стайка колючих акул, и один из ныряющих «зацепил» какую-то из них. В воде появилась кровь, и стая превратилась в беснующийся клубок! Они стали реагировать на купающихся и нападать. После криков с палубы об опасности, в мгновение ока – все оказались на борту. Это было похоже – как в Антарктиде пингвины выпрыгивают на льдину при нападении хищников. Реакция – любой позавидует. Этот случай оказался предупреждающим и позднее такая практика «приема ванн» была прекращена.

Второй заход на бункеровку в Малокурульск был «более интересным». Продуктов на судне почти не осталось и на «обмен» пошли орудия лова (итак сокращенные) и кое-что из снаряжения и оборудования. Успехи были меньше, но ярче... Запасы «Криля» становились все скуднее и скуднее, но в бухте появилось светлое пятно – зашел НИС «Витязь» с группой ученых под руководством М.С. Кун. Организовать экскурсию на него не удалось, но местные власти поселка

смогли провести одно мероприятие с участием команды «Витязя». Состоялась футбольная встреча между местной командой и членами команды и научной группы судна, в которой было забито 13 голов! К сожалению, «витязяне» забили лишь один из них во втором тайме (автора не помню), но защиту соперников все-таки сильно потрепали центрфорвард Женя Каредин и хавбек Володя Андреев! Мне также удалось выйти на поле на замену во втором тайме, т.к. после первого многие «магелланы» едва «ползали по полю». Местная газета с удовольствием опубликовала отчет об этом матче (о чем мне сказали наши выпускники-технологи зимой 1974 г.).

«Витязь» сыграл еще одну – вторую партию с «Крилем». Пошли шестые сутки стоянки «Криля» в порту, местные власти решили «придти на помощь» с отходом нашего судна в море – причем радикальным способом. Команда на судне была не вся: руководители и некоторые ее члены отсутствовали, главный двигатель «молчал»... Власти обрубали швартовые концы на пирсе и «Криль» начало уносить в центр бухты, где стоял на якоре «Витязь». Его нанесло на форштевень «Витязя» и одна из спасательных шлюпок была раздавлена почти пополам. Конечно, боцман задраил все это парусиной, но одного спасательного средства на судне уже не существовало. «Криль» встал на якорь на рейде, а местные власти еще почти сутки «вылавливали» членов команды в поселке. И это им удалось выполнить.

К вечеру седьмых суток был взят отход, но нас попросили попутно подвезти людей и снабжение на о. Зеленый. Все загрузили, и мы вышли из бухты. Но, вдруг, в кают-компанию, где размещались пассажиры, вошли две девочки-сезонницы – «партизанки». Их очень хорошо спрятали кондей и третий?! Где они скрывались, осталось тайной. Пришлось вернуться, не входя в бухту их забрал пограничный катер.

Высадка пассажиров ночью на о. Зеленый прошла удачно, и мы «попылили» в район работ. Ловить было нечего, да и практически нечем, продукты на 0!!! Заговорили о завершении рейса. Этот вопрос согласовали с руководством, но наши боссы решили «хлопнуть дверью». Надо было пополнить запасы продовольствия (рыбой) хотя бы на переход в Антоново. Был вооружен донный трал, выбрано место у одного из островов и ... сделали два (!!!) траления. Все пошло по накатанному: первое – с зацепом, но относительно удачное, более центнера лемонемы – *Laemoneta longipes*. В то время – это была редкая рыба, даже не промысловая. Второе – зацеп, и вытащили практически одни ваера с остатками трала. Улов – 0. Срочно снялись и «поплыли в Антоново». Тем не менее, об обнаружении нового промыслового объекта – лемонеме, «раззвонили» руководству и в местную промысловую экспедицию.

Был приход, «разбор полетов», но я в этом не участвовал. Сделал первичную обработку собранных данных, зафиксировал материалы (кости, позвонки и отолиты) и... почти на неделю был отправлен на покос в бригаду по заготовке силоса. Обычное в то время занятие (с/х работы) почти всех организаций.

Косьба! Очень привычное и приятное для меня занятие, с достаточным опытом крестьянского сына. Был я там недолго, и косил фактически только один

раз – по приезду. Получив шанцевый инструмент – косу, и немного помучившись с ним, я понял, что так дело не пойдет. После такой косьбы я, с трудом, но нашел соответствующие приспособления (хотя не совсем те, которые надо: была «бабка», но не было «деда», ведь именно он в этом процессе лучше) и принялся отбивать свою косу. Потом ко мне подошел еще один косарь, затем бригадир и... Я подготовил им косы также. После следующей косьбы меня отстранили от этого процесса, а поручили готовить косы для всей бригады, чем я занимался в следующие дни до отъезда. Перед обедом – после утренней косьбы, я готовил косы первый раз, а поздним вечером – после вечерней косьбы, второй. Днем же ловил рыбу в ближайшем ручье-речке, знакомясь с ихтиофауной. Это продолжалось недолго, меня срочно отозвали в институт для участия во втором рейсе.

Второй рейс – ПКЗ «Кронид Коренов»

Планировалась более серьезная, объемная и ответственная работа – сбор биостатистических материалов в период скумбриевой путины на плавучем консервном заводе. Меня отправили помощником к Виктору Григорьевичу Дзеху – опытному сборщику таких данных и материалов. Мы вышли на СРТМ «Боцман» в район промысла для посадки на борт ПКЗ «Кронид Коренов». Шли чуть более суток, и сразу же пересели на плавзавод.

Плавзавод оказался современным недавно построенным судном (1969 г.), с хорошим оборудованием завода, комфортными условиями жизни, жесткой советской дисциплиной и порядком труда. В общем, работа и быт были на высшем уровне. Нам выделили одноместную каюту врача с диваном, питались мы в кают-компании комсостава, имели хорошее место работы в заводе, и руководители

«Кронид Коренов»

судна и завода всегда реализовывали все наши пожелания и потребности – просто рай!

Несомненно, сразу после размещения с нами провели «детальный инструктаж» – состоялась беседа с замполитом судна (28 лет); познакомили с руководством судна и завода, техникой безопасности и пр. Среди главных наставлений (по мнению замполита) было – не посещать нижние палубы судна, где размещались обработчицы (ки). Там некоторые особи мужского пола, обычно с судов-ловцов, периодически «пропадали» на неделю и более, что подтвердилось позднее.

ПКЗ «Кронид Коренов» имел на борту около 120 членов команды и более 300 обработчиков (ц). Женщины доминировали. Его мощность по обработке – более 80 т рыбы в сутки. Это был дизель-электроход, а три других ПКЗ в экспедиции были паровиками, которые очень выделялись своими черными шлейфами при быстром ходе к заловившемуся судну-ловцу. Ловили скумбрию кошельковыми неводами, улов за замет мог достигать 500 т. И поэтому на его обработку все ПКЗ спешили, становясь в очередь на разбор улова мотоботами. В этой гонке наш «Кронид Коренов» лишь иногда опережал «железный – Феликс Дзержинский», имевший большую скорость на полном пару.

Суда-ловцы выполняли заметы в основном по очереди. Иногда на косяки скумбрии их наводили самолеты – Як-40. Обработка каждого большого улова продолжалась до 4–5 суток, затем рыба в кошельке могла «залечь» и ее приходилось выпускать, чтобы она не перевернула судно-ловца. Цеха заводов работали круглосуточно.

Очередной большой улов

В соответствии с заданием, мы выполняли биологический анализ скумбрии по графику и собирали необходимые статистические материалы. Кроме того, я с помощью В. Дзеха собирал свои методические материалы и образцы – четырех костей жаберной крышки, позвонки и отолиты. К сожалению, для этого приходилось «губить» сырец, что согласовывалось с мастером цеха. Позднее на японских судах я научился делать такие хирургические операции без порчи сырца, чему приходилось обучать и своих коллег.

Разбор проб – голов и позвоночника, после обработки паром выполнял обычно на корме судна, куда иногда собиралось много «зрителей», и с некоторыми из них я даже познакомился. Команда судна и даже обработчицы в основном

формировались из центра СССР – Москвы и Ленинграда. Среди мотоботчиков и рыбообработчиков (ц) было много представителей интеллигенции, как по образованию, так и по местам основной работы. Каких-то особых эксцессов на судне не было, либо они «прятались». Хотя иногда встречались «потеряшки» с судов-сдатчиков, но для них это явление было обычным. Были и мелкие другие памятные ситуации, но особенно запомнились 2–3 первых сильных осенних шторма, когда огромное судно качалось на 20–25 м при носовой качке, и из некоторых (обычно нижних) кают люди «висели за бортом».

Незаметно срок командировки заканчивался, мы собрали материалы и стали ждать какого-либо попутного судна для возвращения на Сахалин. Такая оказия вскоре появилась – это было транспортно-пассажирское судно, которое поставляло в экспедицию и на Южные Курилы различное снабжение, а сейчас возвращалось в г. Корсаков. После нашей экспедиции ему осталось завезти некоторые материалы в Южно-Курильск и следовать в Корсаков. На него и сошли мы вместе со «штрафниками» нашего судна, двоих из которых я немного знал, но за что их списали – нет!?! Один – мотоботчик Леша – бывший военный летчик, а вторая – Инна – архитектор из южного города. Но на транспорте все выяснилось.

На судне было только две большие пассажирские каюты – мужская и женская, а также огромный запас спиртного (сейчас ясно для чего) – Шампанское! Оно, благодаря всем штрафникам, лилось рекой, хотя цена была соответствующей. Мы зашли в Южно-Курильск, бросили якорь, сдали груз и ... якорь потеряли. Весь день до поздней ночи (почти половину суток) вызванные водолазы искали «потерянное», но тщетно. Ила – толстый слой. Боцман сделал и «прилепил» деревянный якорь, покрасил его и ночью мы зашли в п. Корсаков, чтобы не было видно потери. А эти 2,5 суток «штрафники» безостановочно сосали «шампунь»!

Придя в Корсаков, у Леша совсем не оказалось расчетных денег, пропить он их бы не смог, вероятно, вытащили подружки. Мы купили ему билет до Южно-Сахалинска, а дальше он собирался сам решать финансовую проблему для возвращения в Москву.

В общем, хороший был рейс – собраны отличные материалы, получен важный опыт морских работ и т. д. и т. п. В Антоново нас встретили как героев; а с Виктором и Еленой Дзех мы подружились и даже какое-то время общались после переезда их во Владивосток.

Заключение

Так, для меня прошла производственная часть преддипломной практики на Сахалине, да и для других моих однокашниц. Мы были последним – четвертым очным набором специальности «Ихтиология и рыбоводство» в Дальрыбвтузе, затем был перерыв – наборы велись только на заочное отделение. А позднее все восстановилось. В.Н. Гиренко, беседуя со мной перед отъездом, предлагал вернуться на Сахалин на постоянное место работы...

Возвращался я во Владивосток самолетом, заработав за период практики более 800 руб. Немного помог родителям, смотался на малую родину (Вольнь),

встретился со своей бабушкой – ровесницей В.И. Ленина (но 1973 г. она уже не встретила), родившей и воспитавшей 12 детей, разбросанных Второй мировой войной по всему земному шару. Увидел своих тетю и дядю, многочисленных братьев и сестер, племянников старше себя и... Посетил Киев, Симферополь, Севастополь и более мелкие населенные пункты, и возвратился для завершения учебы. Как многие студенты-выпускники опоздал на занятия дней на 10, но... учеба была продолжена. А моего заработка хватило на безбедное существование (вместе с повышенной стипендией) до Нового года и даже дольше.

Несомненно, все собранные материалы были обработаны, в конце ноября составил и отправил Научный отчет в «СахНИРО» и продолжил работу над дипломом. Диплом защитил на «отлично». По его результатам мой руководитель Л.Н. Беседнов подготовил доклад на Всесоюзную конференцию в 1975 г. и статью в Известия ТИНРО (т. 100). Позднее по этим материалам я написал еще одну с Л.Н. Беседновым – Изв. ТИНРО (т. 101). Это дало мне хороший импульс к научно-исследовательским работам и укрепило веру в свои силы.

Кроме того, тогда я не знал, что моя дипломная работа, написанная и оформленная каллиграфическим почерком моей школьной учительницей, была направлена на конкурс выпускных работ МРХ СССР, где заняла первое место. Спустя год – в 1974 г., выехав в Приморье в отпуск и посетив кафедру, я увидел Диплом победителя, получил в кассе Дальрыбвтуза, причитающуюся премию и почувствовал себя молодым ученым. Хотя на Камчатке я уже подготовил и направил в печать новую статью по тихоокеанским лососям.

Вместо послесловия

Выше я писал о рабочих моментах преддипломной практики. Разумеется, не все время в Антоново было посвящено работе. Были периоды и отдыха, особенно до начала и между рейсами. «СахНИРО» в тот период был молодежной организацией, где молодыми были как свои сотрудники, так и приезжие на полевые, морские и др. виды работ. Это было отличное место практик студентов из разных регионов СССР. Эта молодежь, да и «пожилые» (по мнению молодежи) отрывалась на разных спортивных мероприятиях, встречах, беседах. Основным из видов спорта был волейбол на морском побережье; кроме того, были баталии по настольному теннису и, реже, по футболу. Причем, молодежь в основном соревновалась со «стариками», и отнюдь не всегда было ясно, кто победит. Очень много было споров, дискуссий, бесед о науке, жизни, быте и пр. Эту волейбольную направленность «СахНИРО» сохранил и после переезда в Южно-Сахалинск, хотя другие институты имели иные специализации: в ТИНРО – баскетбол, КамчатНИРО – хоккей и зимний футбол, МагаданНИРО – лыжи.

Конечно, для меня – мальчишки, было интересно, почему в «СахНИРО» было очень много девушек, которые посвятили свою жизнь такой трудной профессии биолога-исследователя?

Довелось мне в Антоново отмечать свое совершеннолетие (по зарубежным меркам) между рейсами. В этом мне помогли и организовали наши первые

выпускники кафедры Виктор и Галина Пушниковы (они вообще занимались моим воспитанием на Сахалине всегда, да и сейчас), а также И.В. Калюжный – в его квартире. Игорь заставил меня собирать морских ежей несколько часов для подготовки особого крошечного блюда, мотаться по магазинам и рынку, в т.ч. посетить г. Холмск. «Прием» прошел хорошо, но последствия на следующий день оказались «не очень». «Устал» студент, да и моих сокурсниц не было для поддержки – они трудились.

Я немного «отличился» перед учеными ТИНРО (гр. М.С. Кун), и они долго шутили надо мной по случаю Д.Р. Но, спустя полтора года, именно они спасли меня в их подвале на Ленинской 25 – в хранилище формалина и образцов. Там я собирал тару и фиксаторы, готовясь к выходу в зимний рейс на СРТМ 8-461 в Японское море начальником рейса. Они подняли потерявшего сознание бывшего студента, откачали и, снабдив всем, отправили в рейс.

Конечно, мне очень понравился Сахалин, молодой коллектив института, руководители и сотрудники, но...здесь я уже был. И, несмотря на приглашение В.Н. Гиренко, я искал новое место на ДВ, где еще не был – это были Камчатка или Магадан. Оказалась Камчатка. На распределении нашей группы на работу было около 80 мест. Из важных дальневосточных: Камчатка и Сахалин – по 2, Магадан – 1 и т.д. Я был третьим по очередности выбора: староста, Люда (с одной четверкой в дипломе) и я (с 4-мя)... Камчатку выбрали староста и я, а Люда уехала в Куйбышев, где плодотворно трудилась, а сейчас на пенсии.

Все время я тосковал по Сахалину, более мягкому климату, хорошей природе и добрым людям. Практически с первых лет работы на Камчатке я по рекомендации и наставлению моего шефа – Иосифа Бенционовича Бирмана, ежегодно ездил в «СахНИРО» для консультаций и получения помощи от Алексея Петровича Шершнева, главного специалиста по раннему морскому периоду жизни лососей. Пока Алексей Петрович не сказал, «что вы – В.И., знаете и можете больше, чем могу дать вам я». В то время я, будучи МНС-ом, был руководителем большого блока КЦП «Лосось» и курировал все исследования по этому (раннему морскому) периоду жизни т/о лососей. Позднее я стал ездить с вопросами организации таких исследований и оказывать помощь исследователям других стран – Японии, США и Канады.

В течение многолетнего периода мне пришлось контактировать и дружить со многими сотрудниками «СахНИРО», перечислить всех их невозможно, но... Кроме упомянутых выше, хотелось выразить глубокую благодарность за помощь и поддержку во многих начинаниях и направлениях рыбохозяйственных исследований руководителям: В.Н. Гиренко, В.Д. Табункову, Ф.Н. Рухлову, В.И. Радченко, с которыми приходилось решать не только государственные, но и международные вопросы. Я восхищался самоотверженностью и преданностью делу В.М. Чупахина и А.М. Каева; горд, что учился и рос в научном плане вместе со своими однокашниками А.Я. Великановым и И.М. Ивановой (Москальцовой); провел много совместных экспедиций с Л.Д. Хоревиным и С.А. Коваленко; получал методическую помощь от Г.П. Вяловой... Кроме того,

всегда рекламировал «СахНИРО», как образцовый и молодежный институт, своим коллегам и молодым специалистам, двое из которых даже были его руководителями – А.И. Болтнев и А.В. Буслов. Кроме того, работая в образовательном учреждении, рекомендовал своим выпускникам работу на Сахалине, хотя обычно они выбирали другие регионы – центр и юг России, и даже Магадан.

И еще об одном – студенческом. Наша группа ИР-73 оказалась достаточно дружной, хотя выпускников разбросало по всему Советскому Союзу. Мы регулярно собирались на кафедре и в городе каждые 5 лет, хотя приезжали не все, по разным причинам. Я пропустил 9-ю встречу, даже не помню почему? Сейчас, несмотря на «потери» почти трети состава, планируем встретиться в честь 50-летия после окончания. Реализуется это – жизнь покажет, но очень хочется.

И последнее, более 40 лет работы в рыбохозяйственном НИИ и 15 лет в вузе дали возможность сделать небольшое наставление – пожелать молодым ученым всегда стремиться к росту. Это необходимо не только вам, но и вашим близким – родителям, детям, будущему поколению. Не хочу быть «брюзгой», но у некоторых молодых исследователей часто появляется пессимизм, неверие в собственные силы и т.п. Участие в двух школах Молодых ученых, организованных ВНИРО, дало это негативное заключение, а жалко. У молодых всегда и во все времена были и бывают проблемы, препятствия и прочее, но надо научиться их преодолевать. Надо искать поддержку у коллег и наставников. В наше время это были многие наши руководители, но главными на берегах Тихого океана, по моему мнению, были двое дальневосточных ученых – С.М. Коновалов, лауреат премии Ленинского комсомола и А.В. Жирмунский – академик, организатор дальневосточной академической науки. Ищите наставников и дерзайте..., победа будет за вами.